

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ

КАРНЕГИ

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ СЛАВЫ?

Новый внешнеполитический
курс Турции

Синан Ульген

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

CARNEGIE EUROPE

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

УДК 327.8
ББК 66.4
У51

Перевод с английского Максима Коробочкина.

Sinan Ulgen. **A Place in the Sun or Fifteen Minutes of Fame? Understanding Turkey's New Foreign Policy.**

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Издание подготовлено в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги.

В брошюре отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Ульген С.

У51 Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции / Синан Ульген ; пер. с англ. М. Коробочкина ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2011. — 39 с.

ISBN 978-5-905046-06-3

В предлагаемой вниманию читателя работе исследуется влияние нового внешнеполитического курса Турции на отношения этой страны с ее соседями, Европейским союзом, Соединенными Штатами. Рассматриваются перспективы стремления Турции играть более важную роль в качестве региональной державы и посредника в международных спорах.

УДК 327.8
ББК 66.4

Содержание

Об авторе	5
Пример Ирана	7
Движущие силы изменений	10
Переосмысление идентичности и внешней политики:	
Турция как центральная держава	10
Отчуждение от Европы	11
Особая миссия Турции?	12
Демилитаризация внешней политики	13
Турция как «торгующее государство»	15
Промежуточные итоги	18
Стакан наполовину полон?	19
Стакан наполовину пуст?	21
Перемены и преемственность	22
Что это означает для США и ЕС	22
Последствия для Европы	23
Последствия для США	25
Место под солнцем или пятнадцать минут славы?	29
Примечания	33
Summary	37
О Европейском Центре Карнеги	38
О Фонде Карнеги	39

Об авторе

СИНАН УЛЬГЕН работает в Европейском Центре Карнеги (Брюссель) в качестве приглашенного исследователя. Сфера его научных интересов — воздействие внешней политики Турции на Европу и Соединенные Штаты, особенно в связи с ее курсом в своем регионе и ролью в решении ядерных, энергетических и климатических вопросов.

Он также является одним из основателей и совладельцев турецкой консалтинговой компании «Istanbul Economics», специализирующейся на проблемах государственного управления и регулирования, и председателем независимого аналитического учреждения — Центра экономических и внешнеполитических исследований (Стамбул).

С. Ульген работал в турецкой дипломатической службе, занимая несколько должностей: в Анкаре в отделе по связям с ООН (1990—1992 гг.), в Брюсселе в постоянном представительстве Турции при ЕС (1992—1996 гг.) и в посольстве Турции в Триполи (1996 г.).

Его статьи регулярно печатаются в турецких газетах, а также публиковались в «International Herald Tribune», «Financial Times», «Wall Street Journal», «European Voice» и «Le Figaro».

ТУРЦИЯ И ЕЕ СОСЕДИ

В связи с рядом недавних событий возникли вопросы относительно внешнеполитических подходов Турции. Повысив в последние годы свою дипломатическую активность, Анкара также разошлась со своими традиционными партнерами во мнениях по некоторым вопросам. Среди примеров можно назвать политику Турции в отношении Израиля (особенно после майского инцидента с «Флотилией мира», следовавшей в Газу), ее взаимодействие с ХАМАС, инициативы в отношениях с Сирией и сложную роль в иракских событиях. Эти изменения не прошли незамеченными для западных союзников Турции.

Однако попытки Анкары выработать многоаспектный и более амбициозный подход к внешней политике не означают, что Запад потерял Турцию. Напротив, ее отношения с Брюсселем, Вашингтоном и другими союзниками по НАТО скорее всего приобретут более сбалансированный характер — по мере того, как все стороны адаптируются к новым мировым реалиям.

Пример Ирана

17 мая 2010 г. в международных СМИ появились снимки премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, обменивающегося рукопожатием с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом. Большая часть мирового комментаторского сообщества расценила это совместное фото как признак того, что Турция отдаляется от Запада. Эта точка зрения еще больше распространилась несколько дней спустя, когда Турция, пользуясь своим статусом члена Совета Безопасности ООН, проголосовала против введения дополнительных санкций в отношении Ирана. Соответствующие резолюции были тем не менее приняты: их поддержали двенадцать членов Совета Безопасности, в том числе и все входившие в него страны НАТО за исключением Турции. Конечно, решение Анкары пойти наперекор своим союзникам по блоку в условиях кризиса, в ходе которого Иран и международное сообщество оказались по разные стороны баррикад, не было внезапным. Ему предшествовал период беспрецедентной дипломатической активности Турции, кульминацией которой стало соглашение относительно поставок ядерного топлива для исследовательского реактора в Тегеране.

Анкара начала активно участвовать в попытках решить иранский ядерный вопрос в 2009 г., после провала договоренности, согласованной при посредничестве так называемой Венской группы — США, России, Китая и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), — об обмене значительной части накопленного иранцами низкообогащенного урана (НОУ) на топливные стержни для тегеранского реактора. Иран по сути отверг это предложение, отказавшись отправить свой НОУ в Россию одной партией до получения топлива. В ноябре 2009 г., когда

первоначальная договоренность не состоялась, тогдашний генеральный директор МАГАТЭ Мухаммад эль-Барадей выступил с идеей передачи иранского НОУ на попечение Турции. Он считал, что Тегеран может изменить свою позицию, если Анкара выступит в роли посредника, согласившись хранить уран на своей территории, пока Франция не поставит иранской стороне обещанные топливные стержни.

С ноября 2009 г. министр иностранных дел Ахмет Давутоглу сделал урегулирование иранского кризиса одной из приоритетных краткосрочных задач внешней политики Турции. Пытаясь закрепить за Анкарой роль посредника между Ираном и Западом, он без устали курсировал между различными столицами. Понимая, что Тегеран никогда не даст Турции в одиночку воспользоваться плодами успеха, Анкара привлекла Бразилию, чтобы та помогла ей убедить иранское руководство пойти на соглашение.

В западных столицах усилия Турции были восприняты неоднозначно. В апреле 2010 г. президент Соединенных Штатов Барак Обама направил турецкому и бразильскому коллегам письмо, в котором излагались условия, при которых эта сделка будет приемлема для США: Иран должен переправить 1200 кг НОУ в третью страну, более полно сотрудничать с МАГАТЭ и повысить уровень транспарентности своей ядерной программы. Письмо Обамы, однако, лишь придало новый импульс действиям Анкары, и 17 мая Эрдоган, Ахмадинежад и президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва торжественно объявили — договоренность достигнута. Она заключалась в следующем: Иран передает Турции 1200 кг НОУ одной партией, а Венская группа в течение года поставляет ему топливо для исследовательского реактора. Таким образом, Анкара добилась успеха там, где «вэнцы» год назад потерпели неудачу.

Давутоглу парировал критику в адрес соглашения, подчеркивая его прорывной характер. Никогда прежде Иран не ставил свою подпись под какими-либо обязательствами, касающимися его ядерной программы. Министр характеризовал достигнутую договоренность как важный шаг по укреплению доверия, которое со временем позволит решить и другие проблемы, связанные с урегулированием иранского вопроса.

В западных столицах Тегеранское соглашение расценивали совершенно по-иному. США только что убедили Россию и Китай поддержать ужесточение санкций против Ирана. Вашингтон рассматривал ирано-турецко-бразильскую договоренность как угрозу хрупкому единству пятерки постоянных членов Совета Безопасности. Государственный секретарь Хиллари Клинтон заметила: «Если Иран сможет выиграть время и не будет иметь дело с единой позицией международного сообщества по его ядерной программе, наш мир станет не более, а менее безопасным»¹. Вашингтон отреагировал незамедлительно. Через день после обнаружения Тегеранского соглашения администрация Обамы заявила, что

постоянные члены Совета Безопасности ООН согласовали резолюцию о новых санкциях в отношении Ирана. МИД Франции открыто раскритиковал договоренность, указывая, что она не обеспечивает «никакого прогресса по различным вопросам, лежащим в основе озабоченности международного сообщества в связи с иранской ядерной программой»².

Реакция США на Тегеранское соглашение вызвала у руководства Турции глубокое разочарование и возмущение. Анкара считала, что оно полностью соответствует требованиям, содержащимся в письме Обамы. Более того, подчеркивали турецкие лидеры в неофициальных беседах, во время переговоров с Ираном они сообщали Вашингтону об их ходе практически в реальном времени.

Возникшая ситуация свидетельствовала о сбое во взаимодействии двух союзников по вопросу, занимавшему одно из первых мест в их внешнеполитической повестке дня. Как это могло случиться?

Возможно обе стороны, ведя диалог друг с другом, слышали лишь то, что хотели слышать³. Турки были убеждены, что договоренность снимает необходимость в санкциях, поскольку открывает новый канал взаимодействия с Ираном. Запад, ясное дело, не разделял эту точку зрения — и в его оправдание можно сказать, что в письме Обамы об отказе от санкций речь не шла.

Несмотря на усиливающееся давление со стороны западных партнеров, Турция считала нужным отстоять свою дипломатическую инициативу. 9 июня она проголосовала против резолюции Совета Безопасности о санкциях. И когда резолюция все же была принята, Анкара заявила, что будет выполнять ее положения, но не присоединится к другому пакету санкций, дополнительно введенных Вашингтоном и Брюсселем. А недавно премьер-министр Эрдоган спровоцировал новый виток спора о позиции Турции, заявив: он ожидает, что преференциальное торговое соглашение с Ираном позволит за пять лет увеличить двусторонний товарооборот втрое.

Линия Турции в отношении Ирана и вызванные ею разногласия между Анкарой и ее западными партнерами — отнюдь не единичный случай. За последние пять лет между ними возникали трения по целому ряду вопросов: из-за политики Турции в отношении Израиля (особенно после инцидента 31 мая 2010 г. с «Флотилией свободы», направлявшейся к Газе), в связи с ее взаимодействием с ХАМАС, шагами навстречу Сирии и сложной ролью, которую она играет в Ираке, а также по другим проблемам вроде споров вокруг избрания нового генерального секретаря НАТО, сотрудничества на Черном море и планов создания системы ПРО.

Новообретенная дипломатическая активность Анкары отражает существенное изменение внешней политики Турции, заслуживающее

Новообретенная дипломатическая активность Анкары отражает существенное изменение внешней политики Турции, заслуживающее глубокого анализа, а не упрощенных утверждений о том, что страна отдаляется от Запада.

глубокого анализа, а не упрощенных утверждений о том, что страна отдаляется от Запада. В рамках этого анализа необходимо задаться несколькими основными вопросами. В чем заключается новый курс Турции? Каковы его главные движущие силы и элементы? Какие результаты дает эта политика? Что в этой ситуации следует делать Европе и США? И наконец, представляет ли она собой устойчивую тенденцию или лишь временное явление?

Движущие силы изменений

У нового внешнеполитического курса Турции есть несколько различных, но взаимосвязанных движущих сил: новое понимание собственной идентичности и роли на международной арене, «демилитаризация» отношений с другими государствами и укрепление позиций страны в сфере международной торговли.

Переосмысление идентичности и внешней политики: Турция как центральная держава

В 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти, обещая перемены и бросая вызов структуре власти в Турции — намереваясь взять под контроль государственный аппарат и ослабить политическое влияние армии. Этот мандат на реформы распространялся и на внешнюю политику: Анкара уже вскоре предприняла шаги по сближению с Сирией и начала диалог с ХАМАС, что резко расходилось с многолетней практикой турецкой дипломатии. Позднее эти первые, не слишком скоординированные инициативы были вписаны в единую стратегическую концепцию, сформулированную Ахметом Давутоглу, который возглавил внешнеполитическое ведомство в мае 2009 г. (до этого он был советником премьера Эрдогана).

Давутоглу преобразует внешнеполитический курс Турции в соответствии с доктриной «стратегической глубины». Она основывается на всеобъемлющем историко-культурном анализе положения страны в международной политике с акцентом на наследие Османской империи и исламскую традицию. С точки зрения Давутоглу Турция — «центральная страна», расположенная в сердце Евразии и имеющая множественную идентичность. Этот факт диктует ей многовекторную внешнюю политику, не предусматривающую привилегированных отношений с кем-либо. Таким образом, Турция должна «...обеспечивать безопасность и стабильность не только себе, но и соседним регионам. Гарантией ее собственной безопасности и стабильности должна быть более активная, конструктивная роль в обеспечении порядка, стабильности и безопасности на окружающем пространстве»⁴. Если Анкара сумеет добиться этих целей и усилить свое влияние в собственном «ближнем зарубежье», она будет

обладать более прочными позициями по отношению к другим центрам силы и мировым державам.

Итак, цель стратегической доктрины Давутоглу состоит в превращении Турции в одного из важных субъектов международной дипломатии. Во многом страна уже соответствует характеристикам региональной державы. Она считается незаменимым игроком в плане безопасности в нескольких пересекающихся регионах: на Ближнем Востоке, Балканах, Кавказе и в Причерноморье. Более того, в вопросах управления и безопасности в этих регионах Анкара уже взяла на себя существенные обязательства, подкрепленные ее потенциалом жесткого и мягкого влияния.

Важнейшим следствием этих доктринальных изменений стал тот факт, что Турция «более не рассматривается как страна на периферии европейской системы или “прифронтовое” государство, прочно привязанное к Западу»⁵. По мере того как ориентация на Запад теряет первостепенное значение в системе отношений Турции с другими странами, снижается и необходимость соотносить ее внешнеполитические решения с западными приоритетами. Таким образом, Анкара все больше рассматривает сотрудничество с Соединенными Штатами и Евросоюзом через призму собственных целей в регионе⁶.

Отчуждение от Европы

Вышеописанные изменения во внешнеполитическом курсе усиливаются и ускоряются процессом «отчуждения» Турции от Европы⁷. Пока перспектива вступления в Европейский союз оставалась реальной, Анкара сосредоточивала усилия на достижении этой цели. Главной внешнеполитической установкой было держать курс на присоединение к Евросоюзу. Внутриполитические проблемы много лет мешали Анкаре добиться этого, но в 2004 г. Брюссель наконец решил, что пришло время начать с ней соответствующие переговоры. В то время вступление Турции в ЕС пользовалось беспрецедентной поддержкой граждан — его сторонниками были 74% населения.

Однако эти мечты рухнули из-за сочетания нескольких факторов: растущего скепсиса относительно готовности Турции к членству в Евросоюзе, трудноразрешимых проблем в ее отношениях с Кипром, входящим в ЕС, политизации вопроса о ее присоединении к Европе в ходе яростных внутриполитических дебатов в таких странах, как Франция и Германия. Сегодня переговоры с Брюсселем буксуют, за членство в ЕС выступают лишь 30% населения, и многие турки считают, что их страна была и остается жертвой дискриминации со стороны Европы.

Одним словом, мечта о вступлении в ЕС развеялась настолько, что перестала связывать внешнюю и внутреннюю политику Турции. Недавно,

Таким образом, цель стратегической доктрины Давутоглу состоит в превращении Турции в одного из важных субъектов международной дипломатии.

например, Анкара отменила визовый режим с соседними странами, в частности с Сирией и Россией, — а эта мера несовместима с еэсовской шенгенской системой, чьи положения Турция должна соблюдать в качестве предварительного условия членства в ЕС. У этих шагов могут быть и другие негативные последствия, но они, несомненно, способствуют формированию политической и общественной поддержки «центрального» статуса Турции.

Особая миссия Турции?

Концепция «центральной державы» находит наиболее наглядное практическое выражение в политической активности Анкары на Ближнем Востоке, где Давутоглу отводит стране роль «законодателя порядка». Это определение сродни статусу «благожелательного гегемона» в регионе, обладающего и необходимым влиянием, и желанием изменить его устройство в политическом плане и в сфере безопасности. Политическая элита Турции считает свою страну лидером исламского мира, а ее участие в делах Ближнего Востока рассматривает почти как особую миссию Анкары. Подобные настроения представляют собой резкий разрыв с прошлым, в котором Турция сознательно дистанцировалась от Ближнего Востока. В первые десятилетия после создания Турецкой Республики эта линия способствовала поддержанию прозападной ориентации страны и полному отказу от османского наследия. В дальнейшем же любое серьезное обсуждение альтернативных подходов было невозможно из-за реалий «холодной войны».

Изменению позиции Турции также способствовал вакуум влияния, образовавшийся из-за интервенции США в Ираке и роста антиамериканских настроений на Ближнем Востоке. Если на Балканах усиление влияния Турции сдерживается еэсовским присутствием, а на Кавказе аналогичную роль играет присутствие России, на Ближнем Востоке Анкара нашла более благодатную почву для политической активности (то же самое, кстати, можно сказать и об Иране). Сегодня есть основания утверждать, что премьер Эрдоган пользуется в арабском мире наибольшей популярностью среди политических деятелей, а нарастающая антиизраильская тональность официальной риторики Анкары только увеличивает эту популярность.

Однако помимо этих внешних факторов указанной трансформации способствовал и ряд тенденций во внутривнутриполитической жизни страны. Новая правящая элита Турции, связанная с ПСР, куда больше, чем ее предшественники, близка арабскому Ближнему Востоку как в культурном плане, так и в плане личных контактов. Если в прошлом турецкие законодатели чувствовали себя непринужденнее в европейских коридорах власти,

Политическая элита Турции считает свою страну лидером исламского мира, а ее участие в делах Ближнего Востока рассматривает почти как особую миссию Анкары.

то нынешняя команда лидеров ощущает себя как дома скорее в арабских столицах. Для нынешнего руководства Турции контакты с лидерами ЕС означают в первую очередь раздражение, недовольство и разочарование, а взаимодействие с арабским миром обещает льстящее самолюбию восхищенное отношение партнеров.

У активности Турции на Ближнем Востоке есть и политико-экономическая подоплека. С появлением «анатолийских тигров» — не слишком крупных, но весьма динамичных предприятий в торговых городах внутренней Анатолии — возникла и политическая база для сближения с Ближним Востоком как инструмента доступа на новые рынки сбыта. Превращение Турции в «торгующее государство»⁸ — стало еще одним фактором, повышающим значение ближневосточной повестки дня. В свете этих тенденций вновь обретенный интерес Турции к Ближнему Востоку представляется феноменом структурного порядка — порождением нормализации отношений Анкары с южными соседями.

Парадигма «центральной державы» — тот контекст, который необходимо учитывать и для понимания активного участия Турции в иранском ядерном противостоянии. В свете перечисленных фактов у Давутоглу просто не могло быть ни возможности, ни желания удерживать Анкару от вовлечения в дипломатический кризис, затрагивающий одну из соседних стран. Если традиционная турецкая дипломатия стремилась не выходить за рамки западного консенсуса, то ее новый подход основан на ином самоощущении, требовавшем куда более активных действий. Поскольку руководство Турции рассматривает страну как «центральную державу», играющую важную роль в своем регионе, оно готово в некоторых вопросах идти наперекор Западу. Президент Абдулла Гюль недавно заметил: «Вопросы, имеющие большое значение в сегодняшнем мире, ставят Турцию в довольно выгодное положение»⁹. Это — весьма емкая формулировка довода о «центральном» статусе Анкары.

Демилитаризация внешней политики

Другой важной движущей силой трансформации внешней политики Турции стал процесс, который можно было бы назвать «демилитаризацией» ее положения на международной арене. В традиционной внешней политике Турции преобладающую роль играли соображения безопасности, а потому военное партнерство было одним из главных направлений ее отношений с Западом. Эти отношения носили асимметричный характер: Турция, будучи «потребителем» безопасности, зависела от Запада — ее «поставщика». В результате выбор Анкары во внешней политике

Для нынешнего руководства Турции контакты с лидерами ЕС означают в первую очередь раздражение, недовольство и разочарование, а взаимодействие с арабским миром обещает льстящее самолюбию восхищенное отношение партнеров.

ограничивался практической необходимостью привязки ее курса к приоритетам Запада на международной арене.

Однако за последнее десятилетие этот принцип был существенно подорван. Среди внешних факторов, которые привели к этому, следует назвать геополитические изменения, например, окончание «холодной войны», и «расширение демократии» на Ближнем Востоке. Внутренние же факторы включают стремление Турции добиться такой ситуации, при которой она сможет сказать, что у нее полностью отсутствуют проблемы в отноше-

Тот факт, что Анкару уже не так беспокоят вопросы сохранения независимости и территориальной целостности, существенно ослабил влияние Запада на ее внешнеполитические решения.

ниях с соседями. Как отмечает политолог Сабан Кардас, «представление о том, что уровень внешней угрозы снизился, ослабило один из важных аргументов в пользу прозападной ориентации Турции — военное партнерство, за счет которого страна стремилась укрепить свою безопасность, поддерживая приоритеты западного военно-политического сообщества на Ближнем Востоке и в Евразии»¹⁰. Тот факт, что Анкару уже не так беспокоят вопросы сохранения независимости и территориальной целостности, существенно ослабил влияние Запада на ее внешнеполитические решения.

Сегодня перед Турцией открывается более широкий спектр вариантов во внешней политике, и она не преминет этим воспользоваться.

Предвестником подобных изменений стал шаг навстречу Сирии. После нескольких десятков лет напряженных отношений, вызванных в основном поддержкой режимом Асада вооруженных курдских сепаратистов, а также его притязаниями на турецкую область Хатай, Анкара решила пойти на сближение с Дамаском, начало которому положил визит президента Ахмета Недждета Сезера в сирийскую столицу в 2005 г. Несмотря на усиливающуюся критику этих дипломатических жестов Турции со стороны Вашингтона, она продолжает усилия по налаживанию дружеских отношений с сирийским руководством. Кульминацией данного процесса можно считать тот факт, что Анкара стала главным посредником в организации нового раунда мирных переговоров между Сирией и Израилем в 2007 г.

Успех в нормализации отношений с Сирией дал импульс аналогичным демаршам в отношении «недружественных» соседних стран. По Ираку руководство Турции перестало подчеркивать угрозу, которую несет с собой нестабильность в этой стране, и начало усматривать в сложившейся ситуации благоприятную возможность для расширения собственного влияния в регионе. Признаком этого нового подхода можно считать, в частности, решение Анкары наладить диалог с властями Северного Ирака по вопросам, не связанным с безопасностью, таким как торговля, инвестиции, масштабные проекты по развитию инфраструктуры, сотрудничество в области энергетики и транспорта. Среди инициатив, казавшихся невыполнимыми еще несколько лет назад, следует

назвать также проведение по инициативе Турции совместных правительственных заседаний с кабинетами министров Сирии и Ирака. Наконец, в качестве еще одного элемента демилитаризации внешней политики можно рассматривать введение безвизового режима для граждан прежде «недружественных» стран вроде России и Сирии.

Параллельно с этими практическими шагами меняется и внешнеполитическая риторика Анкары. Формулировки с акцентом на «угрозы» уступили место заявлениям об отношениях, выигрышных для всех, и о взаимной выгоде. Одним из важных последствий демилитаризации отношений Турции с другими странами стало изменение соотношения сил между военными и гражданской элитой в плане влияния на внешнюю политику страны. Другим не менее значительным результатом следует считать ослабление влияния Запада на внешнеполитический курс страны.

В связи со скоростью и радикальностью этого разрыва с прошлым возникает вопрос: не зашла ли демилитаризация турецкой внешней политики слишком далеко? Недавно в прессе появились сообщения, что Анкара намерена исключить Иран и Сирию из списка стран, от которых исходит угроза, в документе по национальной безопасности, формирующем основы политики Турции в данной сфере¹¹. Хотя этот шаг, возможно, представляет собой лишь логическое продолжение доктрины Давутоглу относительно «выхода на ноль проблем с соседями», он может стать новым источником напряженности между Турцией и Западом, по-прежнему относящимся к этим странам, мягко говоря, с глубоким подозрением. Кроме того, НАТО готовится объявить о поддержке амбициозного плана по созданию системы ПРО. Не помешает ли более «благодарная» оценка Анкарой угрозы, исходящей от южных соседей, усилиям союзников по развертыванию этой весьма дорогостоящей системы? Учитывая, что она призвана противодействовать общей угрозе, определенной единодушным мнением стран НАТО, трудно представить, что новая позиция Турции не создаст проблем в этой сфере¹².

В связи со скоростью и радикальностью этого разрыва с прошлым возникает вопрос: не зашла ли демилитаризация турецкой внешней политики слишком далеко?

Турция как «торгующее государство»

Еще одной движущей силой перемен во внешней политике Турции стало ее превращение в «торгующее государство». Недавно политолог Кемаль Киридджи применил теорию Ричарда Роузкранса о «торгующем государстве»¹³ к турецкой внешней политике¹⁴. Суть этой концепции состоит в том, что «торгующие государства», в отличие от опирающихся на военную мощь и жесткое влияние, делают в отношениях с другими странами акцент на экономической взаимозависимости. Их интересы определяются

не только соображениями национальной безопасности в узком понимании, не меньшее значение них имеют экономические факторы, такие как торговля, расширение экспортных рынков и прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

О том, что новая идентичность Турции соответствует характеристике «торгующего государства», свидетельствует несколько тенденций — прежде всего развитие ее экономики и интеграция в мировое хозяйство. В 1980 г. Анкара отказалась от политики замещения импорта, предусматривавшей защиту отечественных производителей высокими тарифными барьерами, в пользу ориентированной на экспорт стратегии экономического роста. В 1996 г. она заключила с ЕС договор о таможенном союзе и подкрепила переход к новой модели развития системой соглашений о свободной торговле¹⁵. В результате расширение торговли стало основой для трансформации народного хозяйства Турции на либеральных началах и ее вхождения в группу стран с успешно развивающейся рыночной экономикой. За последнее десятилетие валовый внутренний продукт страны вырос со 192 млрд долл. до 640 млрд (по состоянию на 2009 г.), в результате чего она вышла по этому показателю на 16-е место в мире. За тот же период среднедушевые доходы населения Турции увеличились в три раза — с 3 до 9 тыс. долл. в год. Доля национального дохода, получаемого за счет торговли, повысилась с 38% до 48%. Произошел существенный рост экспорта — с 28 млрд долл. в 2000 г. до 132 млрд в 2009-м. Объем ПИИ увеличился с весьма скромных 800 млн долл. в 1999 г. до рекордного показателя 2007 г. — 22 млрд¹⁶.

Но, пожалуй, наиболее важным показателем превращения Турции в «торгующее государство» является характер ее экономических отношений с соседями. Связи Турции с приграничными государствами в сфере торговли и инвестиций развиваются динамичнее, чем с любой

другой страной или группой стран. Объем товарооборота Турции с непосредственными соседями увеличился с 18 млрд долл. в 2000 г. до 53 млрд с лишним в 2009 г. (см. таблицу). Экспорт в эти страны вырос в 3,4 раза, тогда как совокупный экспорт — в 2,7 раза, а экспорт в ЕС — всего в 2,2 раза.

Доля экспорта в соседние страны возросла с 16% до 20% его общего объема, и пространство для ее дальнейшего увеличения весьма велико. Наибольший дефицит текущего внешнеторгового баланса у Турции наблюдается

с Россией и Ираном, и именно на этих рынках Анкара, естественно, хотела бы наращивать экспорт.

За последние пять лет объем ПИИ из стран Ближнего и Среднего Востока в турецкую экономику увеличился с 918 млн до 6,7 млрд долл. В результате этот регион занял второе место по ПИИ в Турции, отодвинув

Связи Турции с пограничными государствами в сфере торговли и инвестиций развиваются динамичнее, чем с любой другой страной или группой стран.

Объем внешней торговли Турции, млн долл.

	2000			2009		
	Экспорт	Импорт	Всего	Экспорт	Импорт	Всего
Греция	438	431	869	1 634	1 131	2 765
Болгария	253	465	718	1 389	1 117	2 506
Румыния	326	674	1 000	2 216	2 258	4 474
Украина	2 188	6 106	8 294	1 033	3 157	4 190
Россия	644	3 887	4 531	3 202	19 450	22 652
Грузия	132	155	287	766	285	1 052
Азербайджан	230	96	326	1 399	753	2 152
Иран	236	816	1 052	2 025	3 406	5 431
Ирак	0	0	0	5 124	952	6 076
Сирия	184	545	729	1 425	328	1 753
Египет	376	141	517	2 618	642	3 260
Израиль	650	505	1 155	1 528	1 075	2 603
<i>Итого</i>	<i>5 683</i>	<i>13 828</i>	<i>19 511</i>	<i>24 361</i>	<i>34 553</i>	<i>58 914</i>
ЕС	14 510	26 610	41 120	46 977	56 537	103 515
США	3 135	3 911	7 046	3 223	8 576	11 799
Совокупный объем	27 775	54 508	82 283	102 143	140 928	243 071

США с показателем в 6,3 млрд долл. на третью позицию¹⁷. Тем не менее пальма первенства по-прежнему принадлежит странам ЕС: их инвестиции за 2005—2010 гг. составили 47 млрд долл.

Трансформация и переориентация турецкой экономики привели не только к возникновению новой политической базы поддержки развития внешней торговли, но и к принятию обществом новой внешнеполитической формулы, учитывающей эти экономические реалии. Как отмечает Киридджи, «эти экономические реалии, развитие внешней торговли оказывают непосредственное воздействие на занятость, рост, инвестиции, налоговые поступления и производство материальных ценностей в Турции, а также неизбежно становятся элементом матрицы принятия решений для правительства и структур, традиционно занимающихся внешней политикой, например, вооруженных сил и Министерства иностранных дел»¹⁸. Более того, можно утверждать, что структура народного хозяйства южных соседей Турции, в частности Ирана и Сирии, требует для развития торговли взаимодействия на межправительственном уровне. При подобной централизованной экономической системе помощь турецким компаниям в выходе на рынок этих южных соседей означает тесные контакты с любыми властными структурами и режимами, которые там существуют.

Интересным феноменом с точки зрения внешней политики представляется возникновение «анатолийских тигров». Так называют малые

и средние предприятия экономических центров внутренней Анатолии, отличающиеся высокой динамичностью. Руководители этих фирм в политическом плане занимают куда более консервативные позиции, чем традиционные «капитаны турецкой промышленности», и именно они составляют главную опору правящей ПСР. Эти «молодые» промышленники не могут воспользоваться экономией за счет масштаба и испытывают трудности с проникновением на «зрелые» рынки Запада, но они сообразили, что их конкурентное преимущество связано с восточными и южными соседями Турции. В результате эти круги требуют от правительства открытия новых рынков для купли-продажи, в том числе в дружественных теперь соседних странах вроде Сирии и Ирака, а также в африканских государствах¹⁹.

Наконец, экономические преобразования в стране допускают использование в качестве внешнеполитического инструмента принципа «взаимозависимости». Стоит отметить, что хотя в книге Давутоглу «Стратегическая глубина» об экономике говорится мало, в других работах и выступлениях он уделяет большое внимание экономической взаимозависимости как средству наведения «порядка» на Ближнем Востоке и отмечает: этот порядок «не может быть достигнут при изолированных экономиках»²⁰. С учетом этого можно предположить, что принцип взаимозависимости выполняет две функции: инструмента урегулирования конфликтов и установления мира, а также основы для открытия и поддержания новых рынков сбыта для турецких товаров и предприятий²¹.

Кроме того, растущее экономическое благосостояние Турции помогает ей стать куда более активным игроком в сфере международной помощи. Увеличение расходов на эти цели способствует распространению «мягкого» влияния Турции. По официальным данным, в 2008 г. Турция оказывала помощь 98 странам, а ее общая сумма составила 780 млн долл. Одним из главных реципиентов турецкой помощи является Афганистан: на его долю приходится почти 45% ее объема. Следующие 16 стран в списке крупнейших получателей представляют Балканы и «ближайшее зарубежье» Турции (за исключением Эфиопии и Судана).

Промежуточные итоги

Оценивать эффективность внешнеполитического курса всегда нелегко, особенно когда вы лишены преимуществ ретроспективного взгляда. Это в полной мере относится и к новой внешней политике Турции, которая во многих отношениях только формируется. Тем не менее можно провести ее предварительный анализ, ответив на вопрос: трансформируются ли экономические успехи и дипломатическая активность Анкары в реальные возможности влиять на политические процессы в регионе?

Стакан наполовину полон?

Наиболее веским доказательством в пользу нового подхода Анкары являются ее внешнеполитические успехи на Ближнем Востоке. За последние десять лет отношения Турции с арабскими соседями, в том числе с Сирией, Ираком и Ливаном, чрезвычайно улучшились. Комментируя результаты социологического опроса относительно имиджа Турции на Ближнем Востоке, эксперт по международным отношениям Мелиха Алтунишик отмечает: «Турции удалось преобразовать свои отношения с ближневосточными соседями, делая во взаимодействии со странами региона акцент на дипломатии, диалоге и экономической взаимозависимости. Анкара также с большей охотой играет роль арбитра в региональных конфликтах и обычно воспринимается как беспристрастный и конструктивный актер. В целом можно сказать, что Турция реализует концепцию, в центре которой находятся стабильность, мир и процветание в регионе, его способность решить собственные проблемы. Такая ситуация в регионе, по словам Анкары, отвечает и интересам самой Турции»²².

Эти достижения дали Турции возможность способствовать решению целого ряда региональных проблем. В частности, она сыграла важную роль в преодолении политического тупика в Ливане, помогая различным фракциям сформировать коалиционное правительство. Ее сближение с Дамаском радикально изменило отношения между двумя странами и помогло Сирии возобновить диалог с США и ЕС. Именно новообретенное взаимное доверие с режимом Асада позволило Анкаре выступить в роли посредника для организации косвенных переговоров Сирии с Израилем, Ираком и Саудовской Аравией. Необходимо особо отметить и эволюцию позиции Турции по Ираку. Если прежде она смотрела на иракский вопрос через призму соображений «жесткой» безопасности, стремясь ограничить политическое влияние курдских лидеров, то теперь стремится сыграть свою роль в определении экономического и политического будущего страны. В результате Анкара сегодня может заявить, что во многом именно благодаря ее усилиям сунниты согласились поддержать соглашение о статусе американских войск в Ираке, что позволило Вашингтону начать вывод своего контингента.

О том, что новый внешнеполитический курс Турции приносит свои плоды, свидетельствуют и результаты недавнего опроса относительно ее имиджа на Ближнем Востоке²³. Это социологическое исследование проводилось в семи странах (Египте, Иордании, Ливане, Палестине, Саудовской Аравии, Сирии и Ираке) с участием 2006 респондентов. Выяснилось, что Турция заняла второе место (после Саудовской Аравии) по симпатиям опрошенных: 75% из них заявили, что относятся к ней благожелательно или весьма благожелательно. Кроме того, 79% респондентов согласны с тем, чтобы Турция была посредником в урегулировании израильско-палестинского конфликта, а 77% высказали пожелание, чтобы

Анкара играла более важную роль в арабском мире. Опрос также показал, что общественность семи ближневосточных стран воспринимает Турцию как крупного, влиятельного игрока. Очевидно, простые граждане арабских стран также начинают осознавать, что ее политика изменилась.

Региональный масштаб влияния Турции ощущается не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и на Балканах. Политические перемены в Сербии (а именно появление проевропейских политических сил во главе

Показателем влияния Турции в регионе также является растущий портфель ее посреднических усилий по разрешению двусторонних и многосторонних споров.

с президентом Борисом Тадичем) наряду с сохранявшимся недоверием между Белградом и Сараево дали турецкой дипломатии шанс выступить в конструктивной роли посредника. Анкара, традиционно поддерживавшая боснийцев, скорректировала свою политику по отношению к Белграду и восстановила контакты с новым сербским руководством. Одновременно она стала инициатором трехстороннего механизма консультаций между министрами иностранных дел и президентами Сербии, Боснии и Герцеговины и Турции, а также использовала свое председательство в Процессе сотрудничества в Юго-Восточной Европе, чтобы с помощью этой региональной структуры придать импульс своей новаторской консультационной схеме. По мнению Анкары, именно благодаря этой инициативе парламент Сербии принес официальные извинения за преступления в Сребренице, а Сербия и Босния и Герцеговина решили открыть посольства в Белграде и Сараево.

Показателем влияния Турции в регионе также является растущий портфель ее посреднических усилий по разрешению двусторонних и многосторонних споров. Анкара возглавляет такие миссии в Афганистане и Пакистане, а также вокруг этих стран, способствует урегулированию между Боснией и Сербией, Грузией и Абхазией, Израилем и Пакистаном. Участие Турции в качестве третьей стороны в преодолении таких конфликтов усиливает ее роль в регионе и имидж конструктивного игрока. Конечно, этот новый путь чреват и проблемами: наличие у самой Турции неурегулированных внутренних (межэтнических) и внешних (с Арменией, Кипром) конфликтов подрывает авторитет Анкары в качестве посредника.

Турция стремится дополнить свои посреднические усилия участием в ряде многосторонних инициатив. В 2008 г., после 47-летнего перерыва, она стала членом Совета Безопасности ООН на период 2009—2010 гг.²⁴ Кроме того, Турция сегодня занимает пост сопредседателя (вместе с Испанией) «Альянса цивилизаций» — структуры, призванной укреплять толерантность между различными культурами и бороться с радикализмом. Анкара также сохраняет за собой председательство на Конференции по взаимодействию и мерам по укреплению доверия в Азии. Запустив в 2005 г. инициативу «Сотрудничество с Африкой»,

Турция в 2009 г. организовала первый в истории «Саммит сотрудничества Турция-Африка» с участием глав государств и правительственных чиновников почти всех стран Африканского континента. Она также является влиятельным членом Организации «Исламская конференция» (пост ее генерального секретаря в настоящее время занимает турецкий гражданин). Недавно Анкара создала Турецко-арабский форум в рамках Лиги арабских государств и Механизм стратегического диалога при Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива. Наконец, в 2010 г. Турция выступила в роли хозяина Конференции ООН по Сомали и готовится принять Конференцию ООН по слаборазвитым странам.

Стакан наполовину пуст?

Больше всего с этой в целом позитивной картиной контрастируют отношения Турции с Израилем. Хотя в середине 1990-х годов между двумя странами возник прочный альянс, кульминацией которого стало тесное сотрудничество в военной и разведывательной сферах, грубая силовая акция Тель-Авива в Газе, а также склонность руководства ПСР критиковать Израиль для усиления популярности Турции на Ближнем Востоке привели к серьезному ухудшению отношений между ними. Инцидент с «Флотилией мира», направлявшейся к Газе, в результате которого израильскими военными были убиты девять граждан Турции, еще больше усилил взаимное раздражение и обернулся снижением уровня дипломатических контактов. Издержки этой ситуации для Анкары заключаются не только в срыве привилегированного партнерства с Израилем (и потере политических очков, которые оно приносило Турции в Конгрессе США), но и в утрате посреднической роли в ближневосточном мирном урегулировании, на которую она претендовала. Если не произойдет резкого улучшения отношений с Тель-Авивом, Турция окажется за бортом самого важного мирного процесса в регионе. В целом же приходится констатировать, что турецкое руководство пока не справляется с задачей улучшения отношений с арабскими миром без ущерба для отношений с Израилем.

В «пассив» нашего баланса следует занести и отношения Анкары с тюркоязычными странами Кавказа и Центральной Азии. Ошибки, допущенные Турцией при сближении с Арменией, обернулись охлаждением с Азербайджаном и утратой доверия между Анкарой и Баку. Турция и Армения согласовали и в октябре 2009 г. подписали ряд протоколов о нормализации отношений, но затем процесс затормозился — не в последней степени из-за негативной реакции Азербайджана. И теперь для восстановления утраченного сама Анкара зависит от третьих стран. Задача добиться от Еревана и Баку договоренности по Нагорному

Отношения с Западом утратили «святость» в стратегическом мышлении турецкого руководства.

Карабаху ложится на Минскую группу ОБСЕ под председательством России, Франции и США. Не произошло также улучшения отношений между Турцией и странами Центральной Азии. Их стопроцентно светские правящие режимы по-прежнему считают, что правительство ПСР поддерживает движения исламского толка. Наконец, структурным препятствием на пути воплощения амбиций Турции в Центральной Азии служит сохраняющееся влияние России в регионе.

Однако, несмотря на эти негативные моменты, общий итог турецкой внешней политики все же остается позитивным. Растущее влияние Анкары на Ближнем Востоке и, пусть в меньшей степени, на Балканах, ее превращение в ответственного донора международной помощи и активного участника многосторонней дипломатии, а также количество и масштаб ее посреднических инициатив в ближневосточном и иных регионах — все это говорит о том, что Турция уверенно идет по пути укрепления своего влияния и международного признания.

Перемены и преемственность

Стремление к выработке более амбициозного, многообразного и масштабного политического курса характерно не только для правительства ПСР. Предыдущие лидеры Турции, в том числе президенты Тургут Озал и Сулейман Демирель, действовали в том же направлении. Озал хотел, чтобы Анкара обрела большее влияние на Ближнем Востоке, а Демирель стремился, чтобы она играла более важную роль в Причерноморье, на Кавказе и в Центральной Азии. А один из предшественников Давутоглу на посту министра иностранных дел Исмаил Джем отмечал: предназначение Турции — служить «мостом» между цивилизациями. С учетом этого можно сказать, что новый курс Турции вполне вписывается в традиции ее внешней политики. Отличие заключается в том, что Давутоглу воплощает эту идею в жизнь с куда бóльшим размахом и к тому же в контексте демилитаризации отношений Турции с другими странами и динамичного роста ее экономики. Поэтому, если нельзя утверждать, что нынешняя политика Турции совершенно не имеет precedентов, то есть все основания говорить, что момент для ее реализации созрел именно сейчас.

Что это означает для США и ЕС

Новый внешнеполитический курс Турции имеет далеко идущие последствия для Брюсселя и Вашингтона. В первую очередь они заключаются в том, что отношения с Западом утратили «святость» в стратегическом мышлении турецкого руководства. В новой политической концепции Анкары места для такого представления о Западе нет. Ее цель — создать

разветвленную и сбалансированную систему отношений с внешним миром.

Последствия для Европы

На практике турецкая внешнеполитическая революция означает, что Анкара теперь способна превратить вступление в ЕС из цели в средство. Для предыдущих правительств оно неизменно являлось внешнеполитической задачей номер один, поскольку имело первостепенное значение для формирования преимущественно европейской идентичности Турции. У правительства ПСР этого «пунктика» нет. По его мнению, европейская идентичность — лишь одна из многих ипостасей страны, и нет никаких оснований, чтобы она пользовалась приоритетом перед другими. Лишившись статуса сверхзадачи, вступление в ЕС становится лишь инструментом закрепления внутренних реформ. В недавнем интервью председатель Комитета по международным отношениям турецкого парламента, бывший министр иностранных дел Ясар Якис прояснил роль, которую сегодня играет ЕС в стратегическом мышлении Анкары. Он подчеркнул тезис о том, что членство в Евросоюзе представляет собой средство продвижения реформ, отметив в заключение: если Турция будет в состоянии провести эти реформы, вступление в ЕС превратится во «второстепенный» вопрос²⁵. О том, насколько снизилось для сегодняшней Турции значение присоединения к ЕС как конечной цели, говорят и косвенные упоминания президента Абдуллы Гюля о Норвегии, дважды — в 1972 и 1994 гг. — сказавшей «нет» сначала Европейскому сообществу, а затем и Евросоюзу²⁶. Одним словом, Якис, Гюль и многие другие турецкие политики сегодня считают эту задачу менее важной, чем преобразование страны таким образом, чтобы она была готова к вступлению. Когда же придет время, Турция, возможно, даже отвергнет членство в ЕС, как это сделала Норвегия.

Логический вывод из подобной оценки заключается в том, что теперь, когда Турция обрела уверенность в себе и напористость, невступление в ЕС уже не воспринимается Анкарой как катастрофа. Следуя этой логике, можно даже представить себе, что правительство Эрдогана договорится с ЕС о какой-либо альтернативной схеме, выполняющей те же задачи, что связывались с присоединением к Евросоюзу. Вряд ли эту новую позицию можно расценивать и как блеф или стратегический ход. Выступая на съезде консервативно настроенных бизнесменов в начале октября 2010 г., Эрдоган призвал ЕС четко определиться с отношением к Турции²⁷. Он отметил: «Если вы не хотите видеть нас в своих рядах, скажите прямо. Не тратьте попусту наше время. Они все время изобретают новые формулы и заявляют, что не держат нас в “подвешенном состоянии”». Столь откровенные заявления в адрес Брюсселя и попытки оказать давление на ЕС в тот момент, когда политическая ситуация для вступления Турции

крайне неблагоприятна, — нечто необычное для глав правительств Турции. До сих пор подход Анкары заключался в том, чтобы не обострять отношений и надеяться, что превращение Турции в региональную державу убедит европейцев, что она будет ценным членом Евросоюза. Таким образом, недавние заявления Эрдогана, возможно, отражают серьезное изменение подхода турецкого правительства к вопросу о членстве в ЕС. Здесь, правда, надо сделать важную оговорку, связанную с реакцией на такой исход внутри самой Турции. Значительная — хотя и уменьшающаяся — часть населения страны по-прежнему придает огромное значение ее членству в Евросоюзе, и если их мечта рухнет, эти люди могут разгневаются и обвинить правительство в разрыве «священной» связи с Западом. Второй важный вывод, следующий из этого анализа, состоит в том, что соотношение сил в отношениях Анкары и Брюсселя также меняется. ЕС во многом утратил рычаги влияния на Турцию. Когда значение членства в Евросоюзе для Турции снизилось, подорвана оказалась и ее готовность подчиняться процедуре вступления в ЕС²⁸. Это значит, что, несмотря на продолжающиеся переговоры с Брюсселем, Анкара будет настаивать на куда более равноправных отношениях с Евросоюзом. Подобная ситуация чревата последствиями для урегулирования сохраняющихся разногласий между Турцией и Брюсселем, а также между НАТО и ЕС. В обоих случаях основным камнем преткновения остается проблема Кипра.

Поскольку Турция проводит более заметную и энергичную политику в своем регионе, ее интересы во многих странах начнут пересекаться с интересами ЕС. Уже появляются некоторые признаки того, что новообретенная активность Анкары вызывает в Брюсселе опасения, что Турция может стать конкурентом ЕС в борьбе за влияние в некоторых районах. За последние пять лет Турция перешла от солидарности с Общей внешней

Складывается парадоксальная ситуация: как раз в тот момент, когда Турция обретает все необходимое, чтобы стать ценным внешнеполитическим партнером ЕС, Анкара и Брюссель начали расходиться в разные стороны.

политикой и политикой безопасности Евросоюза к нейтральной позиции, поддерживая или не поддерживая Европу в зависимости от конкретных обстоятельств. Складывается парадоксальная ситуация: как раз в тот момент, когда Турция обретает все необходимое, чтобы стать ценным внешнеполитическим партнером ЕС, Анкара и Брюссель начали расходиться в разные стороны. Например, переговоры сторон по вопросам внешних сношений и Общей политики Евросоюза буксуют, соответственно, из-за споров Греции с Турцией и вето Кипра относительно сотрудничества ЕС-НАТО.

На практике, однако, Турция разделяет заинтересованность ЕС в стабильности и сохранении статус-кво. Поэтому ее активное взаимодействие со странами собственного региона на деле выгодно Брюсселю. Обеим сторонам необходимо обойти проблематичные темы на переговорах и стремиться к институциональному диалогу по внешнеполитическим

вопросам. В этом смысле структурные изменения внутри ЕС в результате принятия Лиссабонского договора следует рассматривать как реальный благоприятный шанс. Сейчас под руководством верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон создается дипломатическая служба ЕС. Эта новая структура позволит ЕС взаимодействовать с Турцией по чисто внешнеполитическим вопросам. Существовавшие до сих пор форумы — например, Ассоциативный совет и межправительственные встречи — не обеспечили диалога в сфере внешней политики. Чаще всего они сопровождались взаимными обвинениями из-за несбывшихся надежд, связанных с процессом присоединения Турции к Евросоюзу.

Последствия для США

Для такого глобального игрока, как Соединенные Штаты, последствия изменений во внешнеполитическом курсе Турции носят иной характер, но не менее важны. Как актору, глубоко вовлеченному в ближневосточные события, чьи интересы в регионе пересекаются с интересами Турции, США еще больше, чем Европе, необходимо адаптироваться к новому облику Анкары. Для начала необходимо решить задачу концептуального характера: определить общую позицию Вашингтона по отношению к новым региональным державам. Можно сказать, что если обстановка в мире будет характеризоваться возникновением таких держав, у США в сфере внешней политики появится серьезнейшая проблема. Когда региональные державы начнут обеспечивать себе большую свободу действий, Соединенным Штатам придется искать новые способы совмещения собственных сильных сторон с потенциалом своих друзей в различных районах мира. При этом Вашингтону необходимо будет признать тот факт, что их интересы и интересы американских союзников в том или ином регионе не всегда совпадают. В свете этого неудивительно, что госсекретарь Хиллари Клинтон, представляя в мае 2010 г. «Стратегию США в области национальной безопасности», особо подчеркнула проблему, связанную с появлением новых региональных акторов. Она отметила, что растущее число разнообразных влиятельных игроков на мировой арене представляет собой одновременно и вызов, и шанс выработать «новые формы сотрудничества, новые возможности для улучшения жизни людей, предпринять эффективные усилия для преодоления громадных пробелов во взаимопонимании»²⁹. По всей вероятности, поиск нового баланса в международных отношениях, учитывающего стремления этих новых региональных держав, станет еще более важной темой стратегических концепций относительно мирового устройства.

В этом плане отношения между США и Турцией могут стать моделью для адаптации Вашингтона к новым реалиям. Чтобы обеспечить гладкость этого перехода, Соединенным Штатам нужно глубже понять движущие

силы изменений в турецкой внешней политике. Внимание к этим движущим силам и способность провести различие между случайными и структурными параметрами новой ситуации позволит свести к минимуму трения в отношениях между Вашингтоном и Анкарой. Соединенным Штатам следует смириться с необходимостью считаться с Турцией по широкому кругу различных вопросов, таких как иранский ядерный кризис, мирный процесс на Ближнем Востоке, энергетическая политика, Причерноморье и Кавказ, Ирак, Россия, Сирия, Афганистан и Пакистан. Все они в будущем, несомненно, войдут в общую повестку дня США и Турции.

В частности, в ближайшем будущем тональность отношений между двумя странами может определить иранский вопрос. Отношение Турции к Тегерану сыграло важную роль в подрыве поддержки Анкары американским политическим истеблишментом³⁰. Однако признание того факта, что ее законные стремления должны быть элементом урегулирования иранского вопроса, скорее всего поможет руководству США добиться своей цели — убедить Тегеран соблюдать требования международного сообщества относительно прозрачности его ядерной программы³¹. Разногласия США и Турции по Ирану касаются не стратегии, а исключительно тактики. Турция, несомненно, не желает превращения Ирана в ядерную державу. Поэтому взаимодействие Анкары с иранским руководством следует рассматривать как ценный ресурс, которым международное сообщество и Соединенные Штаты могли бы воспользоваться. Сами турецкие лидеры говорят о том, что они имеют возможность прямого контакта с Тегераном и потому могут передать ему любые сообщения Запада. Они также утверждают, что иранский режим стал более восприимчивым к такому подходу, когда осознал, что у Турции нет никаких целей, кроме разрядки напряженности вокруг ядерной программы Тегерана.

Таким образом, конструктивная роль Анкары должна стать основой для укрепления сотрудничества между США и Турцией по Ирану. Когда в этом сотрудничестве произошел сбой, дело было в том, что Турция зашла слишком далеко в своей посреднической активности, в частности, заключив соглашение по тегеранскому ядерному реактору. Необходимо найти баланс между заинтересованностью Соединенных Штатов в создании единого фронта против Ирана и стремлением Турции к тому, чтобы остаться активным членом группы, ищущей решение вопроса. Этот баланс может быть достигнут, если обе стороны договорятся, чтобы Турция продолжала диалог с иранским руководством, надеясь, что Анкаре удастся убедить его вернуться за стол переговоров в формате «5 + 1» (США, Великобритания, Франция, Китай, Россия и Германия). Более того, по некоторым признакам именно по такому пути уже идет турецкая дипломатия: об этом свидетельствует совместная пресс-конференция министров иностранных дел Турции, Бразилии и Ирана после их встречи 25 июля 2010 г.³² В целом же для учета интересов региональных держав, таких как Турция,

Соединенным Штатам следует осознать насущную необходимость дискуссии по «нормативным» вопросам. Отчасти президент Обама уже сделал это, отметив в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 23 сентября 2010 г.: «Мир, к которому стремятся США, мы не можем построить в одиночку. Чтобы те, кто страдает под ярмом угнетения, обрели права человека, необходимо, чтобы вы высказались в полный голос. В особенности я обращаюсь к тем странам, что освободились от тирании и стали вдохновляющим примером для всего мира во второй половине прошлого столетия — от Южной Африки до Южной Азии, от Восточной Европы до Южной Америки. Когда где-то бросают за решетку инакомыслящих и избивают демонстрантов, не стойте в стороне, не молчите. Вспомните собственную историю. Ведь часть цены за нашу собственную свободу — необходимость вступить за свободу других»³³.

Недавно в том же ключе высказался министр иностранных дел Мексики Хорхе Кастанеда: он призвал «нарождающиеся» великие державы активнее участвовать в решении глобальных проблем³⁴. Если государства вроде Турции имеют полное право ожидать корректировки отношений с единственным глобальным актором, то и Соединенные Штаты имеют все основания в ответ потребовать от этих партнеров более «нормативного» подхода во внешней политике.

Понятие «нормативная внешняя политика», конечно, имеет различные трактовки, но в данной статье оно обозначает три различных варианта действий, причем более амбициозные варианты по сути представляют собой отрицание менее амбициозных. Первое, минималистское толкование относится к государствам, стремящимся обеспечить стабильность в непосредственно прилегающих к ним районах. Распространение стабильности — первый и простейший аспект данной схемы, поскольку оно требует укрепления сотрудничества между соседями, создания институтов и превращение в ответственного игрока регионального масштаба. Вторая, более амбициозная интерпретация касается государств, имеющих возможность участвовать в процессе международного нормотворчества, брать на себя часть бремени обязательств на мировой арене, избегать «иждивенчества» и генерировать идеи, служащие узловыми точками сотрудничества, что в конечном счете приводит к формированию общих ценностей, определяющих характер международного устройства³⁵. Наконец, третье, самое амбициозное определение относится к государствам, открыто выступающим за распространение общечеловеческих ценностей — в особенности демократии — внешнеполитическими средствами.

Когда Турция не имела особого влияния в своем регионе, вопрос о том, носит ли ее внешняя политика нормативный характер, особого значения не имел. Она могла позволить себе роскошь действовать, не слишком задумываясь о своей ответственности за проведение более амбициозной политики на «ценностной» основе. Когда же ее мощь и влияние увеличились,

вопрос о ценностях приобрел куда большую важность. Однако если действия Турции были и остаются направленными на укрепление стабильности в регионе, ей пока не удалось продвинуться вверх по «нормативной лестнице» и присоединиться к дискуссии о глобальных «общественных товарах». С одной стороны, официальные круги всячески рекламируют членство Турции в «большой двадцатке», с другой — страна одной из последних присоединилась к Киотскому протоколу, ратифицировав его лишь в январе 2009 г., и не имеет четкой программы в вопросе распространения демократии. До сих пор аргументы Анкары сводились к тому, что развивающаяся страна вроде Турции не может позволить себе столь амбициозные цели, а невмешательство во внутренние дела других государств является одним из принципов турецкой внешней политики. В этой связи наглядным примером опять же может служить ее линия в отношении Ирана. Правительство Турции воздерживается от критики тегеранского клерикального режима за нарушения прав человека, и она даже стала первым государством, поздравившим Ахмадинежада с победой на недавних выборах, вызвавших столько нареканий.

Трансформация внешней политики Турции приведет к изменению баланса в отношениях между Вашингтоном и Анкарой. Соединенным Штатам необходимо признать, что все решительнее заявляющая о себе Турция отныне будет обладать более амбициозным видением своих национальных интересов и станет их отстаивать энергичнее, чем раньше. Вашингтон также должен осознавать, что этот более амбициозный подход увеличит вероятность расхождения между интересами США и Турции. Турецкое руководство может способствовать этой адаптации, взяв на вооружение, пусть и постепенно, нормативный подход к внешней политике. Подобное развитие событий также поможет закончить все более шумный спор о том, действительно ли Турция отдаляется от Запада, а также укрепит легитимность ее инициатив по решению международных проблем.

Превращение Турции в более заметного, конструктивного и ответственного участника дискуссии о глобальных «общественных товарах» способно внести существенный вклад в придание этому процессу желаемого охвата. Пока что эта дискуссия представляется односторонней инициативой промышленно развитых стран Запада по налаживанию диалога с другими государствами, и прежде всего с новыми великими державами. Повышение значения «большой двадцатки» как одного из важнейших международных центров принятия решений, несомненно, представляло собой попытку придать дискуссии более сбалансированный характер. Более активное участие Турции как новой региональной державы в дискуссии по глобальным проблемам стало бы примером, который необходим для подключения к ней других развивающихся стран региона. Внутренние преобразования в Турции, сочетающие демократизацию и модернизацию с исламом, часто называют образцом для других мусульманских стран.

Теперь у нее есть прекрасная возможность стать таким же образцом для подражания в плане внешнеполитической активности по проблемам мирового масштаба.

Место под солнцем или пятнадцать минут славы?

После прихода к власти ПСР руководство Турции пытается прочно застолбить за страной место на залитых солнцем высотах международной политики. Сможет ли она надолго задержаться в этом приятном климате? Это зависит от сложного сочетания различных факторов.

Один из них связан с поддержкой нынешнего внешнеполитического курса внутри страны. В настоящее время линия Давутоглу пользуется большой популярностью, но порой раздаются и критические замечания относительно сближения Анкары с ближневосточными странами, в котором некоторые видят навязываемую обществу альтернативу ориентации на Запад, которой придерживались прежние правительства. Иными словами, в самой Турции тоже идет дискуссия относительно того, не отдаляется ли она от Запада. Основными объектами нареканий, отражающих отчасти и внутривнутриполитические разногласия между проправительственными и оппозиционными силами, становятся позиция Анкары по Ирану, взаимодействие с ХАМАС и жесткая риторика в отношении Израиля. Ответ на вопрос, перерастет ли эта эпизодическая критика нынешнего внешнеполитического курса в серьезный вызов руководству страны, зависит от того, сможет ли оппозиция сформулировать внятную альтернативную концепцию развития Турции. Популярность политики правительства во многом связана с лежащим в ее основе видением Турции как региональной/центральной державы, способной защитить свои национальные интересы даже в том случае, если они вступят в противоречие с интересами Запада. Эта концепция самостоятельности импонирует большинству турок, относящихся к Западу неоднозначно³⁶. Данный нарратив может оспорить лишь убедительное альтернативное видение, в рамках которого Запад выступает в роли подлинного партнера страны. Однако, учитывая рост антиамериканских настроений в результате иракской войны и утрату доверия к ЕС, вероятность возникновения подобной убедительной концепции еще больше снижается. В среднесрочной перспективе единственно возможным решением данной проблемы представляется активизация процесса вступления в Евросоюз, но для этого Брюсселю необходимо проявить больше «гостеприимства» в отношении Турции.

Второй фактор, способный повлиять на устойчивость нынешнего курса, — это его издержки. Пока новая внешняя политика Турции приносит

в основном выгоды. Однако по мере того, как руководство страны, все больше уверенное в себе, берет на вооружение более напористый — чтобы не сказать конфронтационный — подход (наглядный пример тому — ситуация с «Флотилией мира»), люди смогут куда четче проследить связь между действиями и реакцией, что чревато повышением издержек от тех или иных политических шагов. Например, позиция Анкары в отношении Израиля ощутимо влияет на отношение Вашингтона к Турции, а линия правительства в иранском вопросе лишь усугубляет проблему с имиджем страны в США и ряде других стран. Дальнейшее ухудшение отношений с традиционными союзниками способно подорвать поддержку нынешнего курса в народе, поскольку общественность получит более четкое представление о его скрытых издержках.

Третий фактор связан с эволюцией геополитической позиции соседей Турции. В частности, успех недавних дипломатических демаршей Анкары зависит от снятия военных угроз в регионе, что по определению требует сотрудничества со стороны соседних стран. Можно, таким образом, сделать вывод, что устойчивость курса Турции обусловлена сохранением этой позитивной динамики. Новое усиление озабоченности вопросами «жесткой» безопасности в регионе вынудит Анкару укреплять сотрудничество с Западом, что существенно сузит свободу действий турецкого руководства.

В то же время несколько факторов работает на долгосрочную устойчивость новой внешней политики Турции. По мнению многих аналитиков,

экономика страны скорее всего будет и дальше развиваться динамично. Продолжение экономического роста повысит институциональные возможности Турции для проведения амбициозной внешней политики. Кроме того, ее участие в ближневосточных событиях уже превратилось в явление структурного порядка. Вряд ли Турция теперь вернется к «поверхностным» отношениям с южными соседями, а ее лидеры утратят новообретенный вкус к активной роли на арене многосторон-

ней дипломатии.

Наконец, хотя в политических расчетах Анкары значение западных приоритетов снижается, ее отстраненность от Запада, несомненно, имеет пределы. Связи Турции с Западом прочны и многочисленны. В экономическом плане половина ее внешнеторгового оборота по-прежнему приходится на Европу. Более 80% зарубежных инвестиций в стране — это европейские и американские капиталы. В институциональном плане Турция глубоко укоренена почти во все европейские и межатлантические структуры. Внутри страны имеется немало сторонников прозападной ориентации. Все эти элементы представляют собой структурные препятствия для резкого разрыва с Западом.

Западным партнерам необходимо учитывать позицию Турции и при этом сохранить ее прочную привязку к западному «клубу».

Не приходится сомневаться в том, что внешняя политика Турции находится в процессе переориентации. Это не означает, что Анкара отдаляется от Запада или что Запад «потерял» Турцию. В то же время это значит, что Турция стремится обрести бóльшую свободу действий в своем регионе и ставит перед собой более амбициозные цели в отношениях с Западом. Кроме того, национальные интересы Турции и ее западных партнеров теперь чаще будут противоречить друг другу. Таким образом, для продвижения вперед этим партнерам необходимо учитывать позицию Турции и при этом сохранить ее прочную привязку к западному «клубу». На деле эта задача является отражением общей реальности — формирования нового многополярного мироустройства, связанного с появлением на арене ряда региональных и даже сверхрегиональных держав. Гладкость перехода к этому новому качеству будет зависеть от способности основных игроков достичь общей договоренности, предусматривающей предоставление традиционными великими державами большей свободы действий новым региональным акторам в обмен на усиление нормативного подхода в их внешней политике. Таким образом, от Турции будут ожидать продвижения вверх по «нормативной лестнице» и демонстрации способности к участию в международном нормотворчестве — способности брать на себя часть бремени (а не только выгод) при решении глобальных проблем. В этом отношении на Турции и ее западных партнерах лежит уникальная ответственность — подать правильный пример другим. Если Запад не сможет гармонизировать отношения со страной, давно уже вошедшей в его орбиту, на что можно надеяться в его будущем взаимодействии с другими новыми державами?

Примечания

- 1 Previewing the Obama Administration's National Security Strategy: A Conversation With Secretary of State Hillary Clinton / Brookings Institution. — [S. l.], May 27, 2010 (http://www.brookings.edu/~media/Files/events/2010/0527_secretary_clinton/20100527_national_security_strategy.pdf).
- 2 France Urges Rapid Adoption of Iran Sanctions // Reuters. — 2010. — June 1 (<http://www.reuters.com/article/idUSTRE6502E620100601>).
- 3 См.: Turkey's Crisis Over Israel and Iran / Intern. Crisis Group // Europe Report. — 2010. — № 208. — Sept.
- 4 *Davutoglu A.* Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight Turkey. — 2008. — Vol. 10. — № 1.
- 5 *Kramer H.* AKP's New Foreign Policy Between Vision and Pragmatism / Stiftung Wissenschaft und Politik. — [S. l.], June 2010. — (Working Paper FG2) (http://www.swp-berlin.org/en/common/get_document.php?asset_id=7270).
- 6 *Kardas S.* Turkey in the Middle East: Redrawing the Geopolitical Map or Building Sandcastles, 2010. — Неопубликованный документ.
- 7 Аналогичный аргумент высказал и министр обороны США Роберт Гейтс. См.: *Champion M., Spiegel P.* Gates Says EU Pushed Turkey Away // Wall Street J. — 2010. — June 10 (<http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703890904575296900180727936.html>).
- 8 Подробнее об обеих концепциях см. раздел настоящей статьи о превращении Турции в «торгующее государство».
- 9 *Landler M.* At the UN, Turkey Asserts Itself in Prominent Ways // New York Times. — 2010. — Sept. 22 (<http://www.nytimes.com/2010/09/23/world/europe/23diplo.html?scp=1&sq=turkey%20asserts%20prominent&st=cse>).
- 10 *Kardas S.* Op. cit.
- 11 Данный документ остается секретным.
- 12 Подтверждением тезиса о «демилитаризации» отношений Турции с другими странами может служить и изменение отношения турок к НАТО. Согласно изданию «Transatlantic Trends» за 2010 г. сегодня 30% турок считает, что членство в НАТО необходимо для обеспечения безопасности страны. В 2004 г. аналогичная цифра составляла 53%.
- 13 *Rosecrance R.* The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World. — New York: Basic Books, 1986.

- 14 *Kirisci K.* The Transformation of Turkish Foreign Policy: The Rise of the Trading State // *New Perspectives on Turkey*. — 2009. — № 40 — P. 29—57.
- 15 Турция заключила соглашения о свободной торговле со следующими странами: участниками Европейской ассоциации свободной торговли, Израилем, Сербией, Черногорией, Македонией, Хорватией, Боснией, Марокко, Тунисом, Палестиной, Иорданией, Сирией, Египтом, Грузией, Албанией и Чили.
- 16 Из-за мирового экономического кризиса в 2009 г. чистый приток ПИИ сократился до 7,6 млрд долл.
- 17 В эту группу входят прежде всего Ирак, Иран, Сирия, Израиль и Азербайджан.
- 18 *Kirisci K.* Op. cit.
- 19 *Werz M.* The New Levant: Understanding Turkey's Shifting Roles in the Eastern Mediterranean / Center for American Progress. — [S. l.], May 2010 (http://www.americanprogress.org/issues/2010/04/new_levant.html).
- 20 *Davutoglu A.* Stratejikderinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Стратегическая глубина: международное положение Турции]. — Istanbul: Küreyaınları, 2001.
- 21 «Democracy Diffusion: The Turkish Experience», в сборнике статей о внешней политике Турции, который готовится к печати Трансатлантической академией и Фондом Маршалла «Германия-США».
- 22 *Altunışık M. B.* Turkey: Arab Perspectives // TESEV Foreign Policy Analysis Series. — 2010. — № 11 (http://www.tesev.org.tr/UD_OBJS/PDF/DPT/OD/YYN/ArabPerspectivesRapWeb.pdf).
- 23 Подробнее см.: *Akgun M., Percinoglu G., Senyuçel Gundogar S.* The Perception of Turkey in the Middle East // TESEV Foreign Policy Analysis Series. — 2010. — № 10.
- 24 За Турцию проголосовала 151 страна ООН из 192.
- 25 *Yasar Yakis:* 'Certains Européens voient le Turc comme un buveur de sang' // EurActiv.fr. — 2010. — Sept. 29 (<http://www.euractiv.fr/yasar-yakis-europeens-turc-buvur-sang-interview>).
- 26 La Turquie demande des referendums sur l'élargissement dans toute l'Europe // EurActiv.fr. — 2010. — Oct. 1 (<http://www.euractiv.fr/turquie-demande-referendums- elargissement-europe-article>).
- 27 Текст выступления Эрдогана см.: «Hurriyet» (ежедневное информационное и экономическое обозрение), обзор прессы за 7 октября 2010 г. (<http://www.hurriyetdailynews.com/n.php?n=turkish-press-scan-for-oct.-7-2010-10-07>).
- 28 Одна из недавних работ на эту тему: *Ulgen S.* Turkish Politics and the Fading Magic of EU Enlargement / Centre for European Reform. — [S. l.], Sept. 2010 (http://www.cer.org.uk/pdf/pb_ulgen_turkey_8sept10.pdf).
- 29 *Anthony I.* The End of Deterrence: Iran, Brazil, and Turkey and the Nuclear Fuel Swap / Real Inst. Elcano. — Madrid, June 2010 (http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/00f5140042cff2099972f95cb2335b49/ARI96-2010_Anthony_Iran_Brazil_Turkey_Nuclear_Fuel_Swap.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=00f5140042cff2099972f95cb2335b49).
- 30 Не помог делу и кризис в отношениях с Израилем после инцидента с «Флотилией мира».
- 31 Руководство Турции сетовало, что Соединенные Штаты не желали предоставить ему проект резолюции Совета Безопасности ООН об

ужесточении санкций, причем в тот момент, когда Турция — член Совета Безопасности и сосед Ирана — предпринимала активные дипломатические усилия по урегулированию кризиса. Если кризис выведет политику сдерживания Ирана на новый уровень, это также будет небесполезно.

- 32 After the Trilateral Dinner of Our Minister, Brazilian Foreign Minister Amorim and Iranian Foreign Minister Muttaki: Press Release / Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. — [S. l.], July 25, 2010. См.: http://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimiz_brezilya-disisleri-bakani-amorim-ve-iran-disisleri-bakani-muttaki_nin-uclu-yemegi-sonrasi.tr.mfa.
- 33 Выступление президента США на Генеральной Ассамблее ООН 23 сентября 2010 г. (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/09/23/remarks-president-united-nations-general-assembly>).
- 34 Говоря о новых великих державах, таких как Бразилия, Китай, Индия и ЮАР, Кастанеда отметил: они «по-прежнему видят себя членами и “глашатаями” сообщества развивающихся стран и в то же время строят свою репутацию на том, что превратились в мощные государства в экономическом, военном, геополитическом и даже идеологическом отношении, что не только отличает их от остальных стран третьего мира, но и требует от них поддержки определенных общечеловеческих ценностей». См.: *Castaneda J. G. Reshuffling the Geopolitical Order // Los Angeles Times. — 2010. — Aug. 26* (<http://www.latimes.com/news/opinion/commentary/la-oe-castaneda-world-20100826,0,378406.story>).
- 35 *Tocci N. Profiling Normative Foreign Policy: The European Union and its Global Partners // Who Is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and Its Global Partners / N. Tocci, ed. — Brussels: Centre for European Policy Studies, 2008.*
- 36 Речь идет о так называемом севрском синдроме (Севрский договор, заключенный по итогам Первой мировой войны, привел к демонтажу Османской империи), которым объясняется подозрительное отношение турок к мотивам западных держав.

Summary

Turkey's vote against additional UN Security Council sanctions on Iran this year was viewed by many observers as a sign that Turkey is drifting away from the West. In reality, Ankara's relationship with the United States and the EU is much more complicated. Turkey's ambitious foreign policy and growing influence present the West with an opportunity to demand that Turkey play a more constructive role in the international community.

There is no doubt that a reorientation of Turkish foreign policy is under way, an evolution that began after the ruling Justice and Development Party (AKP) rose to power in 2002. This transformation was underpinned by the strategic vision of Foreign Minister Ahmet Davutoglu, who pledged to establish Turkey as an important player in international diplomacy. Turkey's new foreign policy has been driven by three key factors: reconceptualizing Turkey's identity and international role, desecuritizing its foreign relations, and increasing its strength as a trading state.

As a result, Ankara has become a more confident and assertive international player, vastly improved its relations with Arab neighbors, and grown its economy to the sixteenth largest in the world. With a balanced web of relations with other countries, the EU and the United States no longer occupy the central place in Turkey's foreign policy. While this does not mean that Turkey is moving away from the West—or that the West has lost Turkey—Turkey is striving to create more space in its neighborhood to further its ambitious foreign policy position.

As the West accepts Ankara's new approach and growing stature, the challenge for the EU and the United States is to ensure Turkey remains anchored to Western interests. For the EU, this includes adopting a more welcoming attitude toward Turkey, such as jump-starting the stalled EU accession process. The EU should also seek an institutionalized foreign policy dialogue with Turkey to address their shared desire for regional stability.

For its part, the United States must accept that its interests and Turkey's are more likely to diverge in the future—as is the case with Iran. In this instance and in others, as the United States grants more leeway to Turkey in pursuing a broader foreign policy, it must ensure that Turkish policy makers share the costs and benefits of providing solutions to global challenges.

By insisting that Turkey adopt this more normative approach to foreign policy, the West can help Ankara become a true international partner and serve as a role model for other emerging powers in the future.

О Европейском Центре Карнеги

Европейский Центр Карнеги — научный центр при Фонде Карнеги за Международный Мир, созданный в 2007 г. Деятельность этого учреждения со штаб-квартирой в Брюсселе сочетает собственные исследования и ознакомление европейского политического сообщества с свежим глобальным видением, вырабатываемым на основе научной работы других центров Фонда Карнеги — в Вашингтоне, Москве, Пекине и Бейруте. Цель Европейского Центра Карнеги — способствовать формированию нового взгляда на серьезнейшие международные вызовы, определяющие роль Европы в мире.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

**Место под солнцем
или пятнадцать минут славы?
Новый внешнеполитический курс Турции**
Синан Ульген

Редактор А. Иоффе
Дизайнер Я. Красновский
Компьютерная верстка И. Королев

Формат 60х90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»
127322, Москва, ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96
classick21@gmail.com